

— Хм, — хмыкнул старый врач, не отрывая взгляда от бланка, на котором что-то быстро выводил ручкой. — Не любишь, а придется.

Темно-синие чернила ложились на бумагу неразборчивой вязью — то ли английские термины, то ли китайские иероглифы. Цзянь Жочэнь отстраненно рассматривал маленький пластиковый нож для вскрытия писем на колпачке шариковой ручки. Ему казалось, что обжигающий взгляд Гуань Инцзюня вот-вот прожжет в нем дыру.

Юноша непроизвольно потрогал кончик уха. Инцзюнь проследил за движением его пальцев: крохотная родинка на кончике уха от трения стала ярко-красной и чуть припухла, отчетливо выделяясь на светлой коже. Инспектор резко отвел глаза, словно обжегся.

Старик оторвал рецепт и протянул его Инцзюню:

— Получите в аптечном киоске. Капать дважды в день, утром и вечером. Курс — полмесяца.

Жочэнь потянулся за бумажкой:

— Я сам.

Инцзюнь привычным жестом поднял руку выше, не давая ему забрать рецепт, и будничным тоном уточнил у врача:

— Доктор, для лечения этого врожденного дефекта есть только капли? Может, существуют какие-то таблетки или микстуры?

— Только капли. Это же не смертельная болезнь, — отозвался старик. — Еще выпишу жевательные витамины группы В. Главное — поменьше нагружать глаза, и всё придет в норму.

Врач набросал еще одну записку и поднялся с места:

— Ему нужно исключить из рациона вяленое мясо, кофе и пиво. Крепкий чай тоже нельзя, а от острого лучше и вовсе отказаться.

Жочэнь невольно облизнул губы. Всё, что перечислил врач, составляло основу его привычного меню. В полицейском участке он каждую неделю заказывал рис с жареным мясом в ресторанчике внизу, молочный чай пил ежедневно, несколько раз баловался алкоголем, без кофе и дня не проводил, а уж острое было его страстью.

Китайская академия уголовной полиции находилась в Шэньяне, провинция Ляонин. За четыре года учебы его вкусовые предпочтения окончательно сменились с нежной кантонской кухни на суровые шэньянские блюда. Та еда была обжигающе острой и невероятно вкусной.

В голове Жочэня мгновенно возникли сочные образы Дапаньцзи и Гобаожоу под музыку из шоу «Китай на кончике языка». Слюнки потекли сами собой.

«Сейчас бы хоть тарелку квашеной капусты с вареной свиной...»

— Нужно есть больше свежих грибов, яблок, моркови, киви и огурцов. Пить молоко, — продолжал наставлять врач. Собирая бумаги со стола, он обратился к Инцзюню: — Ты старший брат, вот и присматривай за ним получше. Не потакай во всём. То он капли не любит, то в еде привередничает.

Оба мужчины одновременно вспомнили нетронутые листья бланшированной капусты, которые Жочэнь всегда выгребал из тарелки с рисом.

— Я не такой уж и привередливый, — пробормотал юноша. — И вообще, он мне не...

— Понял вас, — перебил его Инцзюнь. — Спасибо.

— Идите уже за лекарствами, — махнул рукой старик, выпроваживая их.

Инцзюнь оплатил рецепты и получил препараты, не забыв взять чек для отчета в департаменте. Сжимая в руках бумажный пакет с лекарствами, он искоса глянул на спутника.

Жочэнь шел чуть позади, опустив голову и спрятав руки в рукава. Он брел рассеянно, глядя лишь на мелькающие перед глазами пятки инспектора. По дороге в бар «Лун Тин» Инцзюнь спрашивал, не связана ли светобоязнь с переутомлением. Тогда Жочэнь ответил, что не знает, в чем причина.

«Но как человек может не знать о своем врожденном недуге? — лихорадочно соображал юноша. — Если он сейчас зацепится за это противоречие, как мне выкручиваться?»

Задумавшись, он не заметил, как Гуань Инцзюнь резко остановился. Жочэнь затормозил так резко, что едва не потерял равновесие. В больнице скоро заканчивалась смена, полы только что вымыли, и плитка была скользкой. На юноше были щегольские английские ботинки с гладкой подошвой, которые на мокром полу скользили не хуже коньков. Наступив прямо в лужицу, он охнул и по инерции полетел вперед.

Жочэнь врезался прямо в крепкую грудь инспектора. Поспешно отстранившись, он неловко поправил одежду:

— Прости.

— Ничего, — голос Инцзюня прозвучал глухо и хрипло. — Смотри под ноги.

— Угу, — буркнул Жочэнь.

Между ними воцарилась неловкая тишина. Офицер до хруста сжал край бумажного пакета. Перед глазами некстати всплыла сцена их первой встречи, когда Жочэнь точно так же упал ему в объятия. Казалось бы, сущая мелочь — случись такое с кем-то другим, он бы и не вспомнил. Но тот момент запечатлелся в памяти до мельчайших деталей.

Взгляд инспектора скользнул по линии челюсти юноши. Он убрал свободную руку в карман и коснулся лежащей там металлической фляжки. Жочэню стало неуютно под этим пристальным взглядом.

— Что такое? — негромко спросил он.

Инцзюнь желчно сжал челюсти:

— Идешь как во сне. О чем ты так усиленно думаешь?

«О том, как бы мне покрасивее соврать»

Он проглотил эту фразу и произнес вслух, придерживаясь легенды:

— Думаю, как бы мне не капать эти капли.

Инцзюнь развернулся и зашагал к выходу:

— Даже не надейся. Я сам за этим прослежу.

Жочэнь ожидал, что офицер начнет допрос или хотя бы прощупает почву, заметив нестыковки в его словах. Однако до самой машины не было сказано ни слова. Что происходит? Неужели такой опытный детектив не заметил явного противоречия?

Мысли юноши путались.

«Впрочем, даже если и заметил... Кривая выведет, всегда найдется способ. В конце концов, Инцзюнь человек рациональный, неужели он позволит эмоциям взять верх?»

С точки зрения здравого смысла, в Сянгане не было лучшего партнера, который помог бы Западному Цзюлу ну вцепиться в глотку Лу Цяню. Цзянь Жочэнь уже доказал свою ценность. Даже если Гуань Инцзюнь подозревает его в двойной игре или считает подосланным шпионом, сейчас ему выгоднее не раздувать конфликт, а затаиться и ждать, пока Лу Цянь будет повержен.

«Сводить счета он будет потом... — Жочэнь искоса наблюдал за водителем. — Это даст мне как минимум год форы. За это время я смогу потихоньку просветить этого атеистичного сэра, выросшего за границей, в вопросах метафизики»

Бумажный пакет в руках инспектора был измят до неузнаваемости: сгибы покрылись сетью трещин и следами от пальцев. Казалось, человек, сжимающий его, находится на пределе терпения.

Жочэнь сглотнул и невольно прижался к дверце. Стоило его пальцам коснуться ручки, как Инцзюнь заблокировал замки. Достав флакон с каплями, он сухо бросил:

— Закапай. Сейчас же, при мне.

Жочэнь опешил. Еще и двери запер... Что за детский сад? Он открутил крышку, некоторое время сверлил взглядом дозатор и снова завинтил обратно:

— Дома закапаю.

Нельзя было сначала изображать нелюбовь к процедуре, а через секунду безропотно подчиниться. Это бы выглядело неестественно.

Инцзюнь не мог понять: Жочэнь снова играет или просто пытается увильнуть. Криво усмехнувшись, он забрал флакон и сам вскрыл его.

— Капать будем?

Инспектор был сложен безупречно. Из-за природного жара он даже в лютый мороз не кутался в одежду. Слой черной ткани лишь подчеркивал рельеф мышц на руках и плечах. Стоило ему придвинуться ближе, как Жочэня окутала волна тяжелого мужского тепла. Юноша невольно вжался в сиденье, чувствуя себя так, словно его погрузили в чан с горячим чаем.

Стало жарко. В нос ударил запах мужчины. Жочэнь прищурил сухие глаза.

«Ладно, пора заканчивать этот спектакль... Можно уже изобразить покорность перед лицом силы. Главное — не переборщить»

— Ладно, капай, — буркнул он.

Жочэнь потянулся за флаконом, но Инцзюнь ловко перехватил его руку, схватил юношу за плечо и притянул к себе. Цзянь не успел опомниться, как его подбородок оказался зажат в жестком кольце горячей ладони. Он удивленно расширил глаза. Сэр Гуань собрался делать это сам?

Прежде чем он успел возразить, ледяная капля упала в левый глаз. Жжение сменилось приятной прохладой. Излишки лекарства потекли по виску. Инцзюнь смотрел на юношу, который послушно закинул голову: его взгляд скользнул по дрожащим ресницам, прямому носу и замер на чуть припухшей, нежно-розовой губе.

Внутри инспектора всё полыхнуло жаром. Кровь закипела, отдаваясь гулом в ушах.

— Открой глаза, — приказал он.

Голос прозвучал пугающе хрипло. Инцзюнь недоуменно коснулся своего горла тыльной стороной ладони. Что с ним?

Жочэнь рефлекторно распахнул веки. Его левый глаз блестел от влаги, словно он только что плакал. Инцзюнь, как от удара током, отдернул руку от его лица:

— Теперь правый. Давай ближе.

Жочэнь мгновение колебался, но всё же снова подставил лицо.

«Хочешь капать — капай. Если сейчас отстранюсь, решит, что я испугался»

Инцзюнь, нахмурившись, обхватил его за затылок и притянул еще ближе.

— Только что ведь нормально открывал, — проворчал он, — что сейчас жмуришься?

— Ты меня пугаешь, — пробормотал Жочэнь.

— Глаз шире открой, — бросил инспектор, но тут же смягчился: — Ладно, забудь.

«Душа инспектора Гуаня — потемки. Семь пятниц на неделе, не угадаешь, что у него на уме»

Инцзюнь одной рукой осторожно приподнял веко юноши и точным движением ввел лекарство.

— Теперь я буду сам возить тебя в университет, — ровным тоном произнес он, — и лично проверять, закапал ты глаза или нет.

Жочэнь зажмурился, пережидая неприятное покалывание, и медленно протянул:

— Ты и впрямь решил заделаться моим старшим братом?

Он открыл глаза и с лукавой усмешкой посмотрел на офицера:

— Неужели ты так за меня боишься, брат Цзюнь?

Дыхание Инцзюня перехватило. Он резко повернулся к пассажирскому сиденью, не веря своим ушам. Юноша смотрел на него покрасневшими глазами, и хотя в его позе не было ничего вызывающего, в воображении инспектора вдруг вспыхнул совсем иной образ: Жочэнь с покрасневшимся лицом, взмокший от пота, испуганный и не знающий, куда деться от его напора.

Инцзюнь до боли сжал челюсти.

«Как он его назвал? — растерянно подумал он. — Брат Цзюнь?»

— Брат Цзюнь, сейчас ты проверяешь мои капли, а дальше что? Будешь следить, не съел ли я лишнего перца? Будешь проверять, хорошо ли я укрылся одеялом перед сном?

Цзянь Жочэнь застегнул ремень безопасности и как бы невзначай добавил:

— Брат Цзюнь, неужели ты так сильно печешься обо мне? А если я в будущем пойду на свидание с любимым человеком, ты тоже будешь стоять над душой?

Инцзюнь застыл, вцепившись в измятый пакет с такой силой, что побелели костяшки.

— Тебе весело издеваться надо мной? — процедил он.

Юноша усмехнулся:

— Когда врач ошибся, не ты ли первый решил мне подыграть?

Инспектор сидел за рулем, выпрямив спину как струну.

«Я не стал отрицать, потому что... Потому что в глубине души не хотел обрывать эту связь,

даже если это лишь недоразумение...»

Зрачки офицера на мгновение расширились от ужаса перед собственной правдой. Жочэнь, заметив его замешательство, довольно улыбнулся — наконец-то он взял верх в этой психологической дуэли.

— Сэр Гуань, может, поедем уже домой?

Мужчина медленно повернул голову. Глаза юноши лучились озорством, в каждом движении чувствовалась живая энергия. Он улыбался, и это его фамильярное «брат Цзюнь» звучало так естественно, будто в этом не было ничего особенного.

Хотя, по сути, так оно и было. Просто дружеское обращение. Лю Цишан тоже его так называл, но из уст Цишана это звучало обыденно, а когда это произносил Жочэнь... казалось, он пробует последний слог его имени на вкус, перекачивая его на кончике языка.

— Инспектор Гуань? — Жочэнь склонил голову набок.

Взгляд Инцзюня опустился ниже, на губы юноши.

«А если я в будущем пойду на свидание с любимым человеком, ты тоже будешь стоять над душой?»

Любимый человек...

Офицер заставил себя сосредоточиться, отгоняя мысли о том, кто мог бы стать этим счастливым человеком. Судя по тону Жочэня, самого инспектора он в расчет не принимал.

— Брат Цзюнь, уже одиннадцать. Мы едем или как? — с легким сомнением в голосе напомнил юноша.

Инцзюнь отвел глаза. Почему он снова назвал его «брат Цзюнь»? Он потянулся к рычагу передач, промахнулся в первый раз и лишь со второй попытки нащупал рукоять. Сжимая руль, инспектор смотрел на дорогу перед собой, но перед глазами всё плыло. В тишине салона он слышал лишь мерное дыхание Жочэня, наполненное едва уловимым ароматом грейпфрута. Стоило вдохнуть этот запах, как перед мысленным взором тут же возникало лицо юноши.

Инцзюнь сжал руль так, что пальцы онемели. Он низко опустил голову, скрывая лицо за упавшими прядями волос. В голове зазвучал нестройный хор голосов.

«Инцзюнь, он тебе небезразличен»

«Ты любишь его»

«Но как полицейский может позволить себе чувства к человеку, чье прошлое покрыто мраком?»

«Если он действительно преступник, сможешь ли ты потом остаться беспристрастным? Ты же не поднимешь на него руку, ты не сможешь этого сделать!»

«Как ты помотришь в глаза коллегам? Что станет с твоей присягой?»

Он зажмурился, пытаясь обрести покой.

«Но ты можешь всё выяснить, Инцзюнь. Закон запрещает любить преступников, но никто не запрещает любить честного консультанта»

Инспектор резко снял машину с ручника и вдавил педаль газа в пол. «Тойота» сорвалась с места, заложив крутой вираж. Огни фар прорезали ночную тьму, и машина вылетела с парковки. Жочэнь вжался в кресло, судорожно вцепившись в ремень. Сердце забило чаще. Что так взбесило Инцзюня?

У Жочэня была светобоязнь, но в темноте он видел превосходно. Он украдкой бросил быстрый, недоуменный взгляд на ремень Гуань Инцзюня. Если он не ошибся, то под брюками офицера... неужели встало?

Дело было в том, что «хозяйство» сэра Гуаня даже в спокойном состоянии было... весьма крупным. И если там происходили хоть какие-то изменения, это сразу становилось слишком очевидным. Здесь единственным стимулом для него мог быть только...

Жочэнь мысленно ахнул.

«Но я ведь вроде ничего такого не делал? Просто назвал его «брат Цзюнь». Неужели кто-то может так возбудиться от одного только обращения? Какое же у него либидо?»

Юноша чувствовал, как мысли в голове превращаются в кашу.

«Он на меня так реагирует... Неужели я ему нравлюсь?»

От этой догадки стало не по себе. Увидев, как машина на бешеной скорости пронеслась мимо грузовика и влетела в подводный туннель, он не выдержал:

— Помедленнее! Мы сейчас превысим все лимиты!

Инцзюнь тут же переключил передачу и сбросил скорость. Желто-белые огни туннеля ритмично сменяли друг друга, выхватывая из темноты детали интерьера. Жочэнь искоса поглядывал на водителя: челюсти мужчины были плотно сжаты, лицо сурово, а на виске вздулась вена. Казалось, он не машину ведет, а идет на штурм логова особо опасных преступников. Но постепенно Гуань Инцзюнь начал расслабляться.

Жочэнь облегченно вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Но спокойствие длилось недолго. Через двадцать минут машина остановилась у ворот карьера Дашанто.

Сэр Гуань вышел, обошел машину и распахнул пассажирскую дверцу.

— Выходи, — негромко приказал он.

Жочэнь не хотел игр? Что ж, игр не будет. Будет прямое расследование. Сегодня он должен получить ответы. Инспектор отвечал перед ста пятнадцатью сотрудниками Отдела по расследованию особо тяжких преступлений Западного Цзюлуна и перед своими погонами. Если он не сделает этого сейчас, потом у него может просто не хватить духу. Гуань Инцзюнь слишком жаждал услышать, что Цзянь Жочэнь ни в чем не виноват. Эмоции захлестывали его, сметая на своем пути доводы рассудка. Оставалась лишь тонкая, хрупкая грань профессионального долга.

Инцзюнь зажмурился, чувствуя сухость в глазах. Он не мог больше ждать. Он должен был найти оправдание всем подозрениям до того, как его разум окончательно капитулирует перед чувствами.

Жочэнь огляделся.

«Инспектор Гуань, ну где же твоя выдержка?»

Даже если гнев и обида на возможную ложь затуманили мозг, стоило хотя бы сначала поговорить. Взаимные расспросы не заняли бы много времени. Всё ведь можно обсудить... Юноша не понимал, как такой хладнокровный человек позволил ярости ослепить себя.

Приняв вид достойного консультанта, он соорудил серьезную мину и усмехнулся:

— Инспектор Гуань, я надеюсь, у тебя есть веская причина, по которой мы здесь оказались.

Дыхание Инцзюня стало тяжелым. Его распирало от глухого раздражения:

— Я...

Жочэнь проигнорировал его пылающий взгляд и спокойно обвел взором пустынный карьер.

— Счита́й, что... я просто хочу удовлетворить свое любопытство, — тихо произнес мужчина. Он подошел к Жочэню и, словно признавая поражение, добавил: — Если не хочешь, я отвезу тебя домой.

На губах юноши заиграла улыбка:

— Нет уж. Раз приехали — пойдём.

<http://bllate.org/book/15833/1439476>